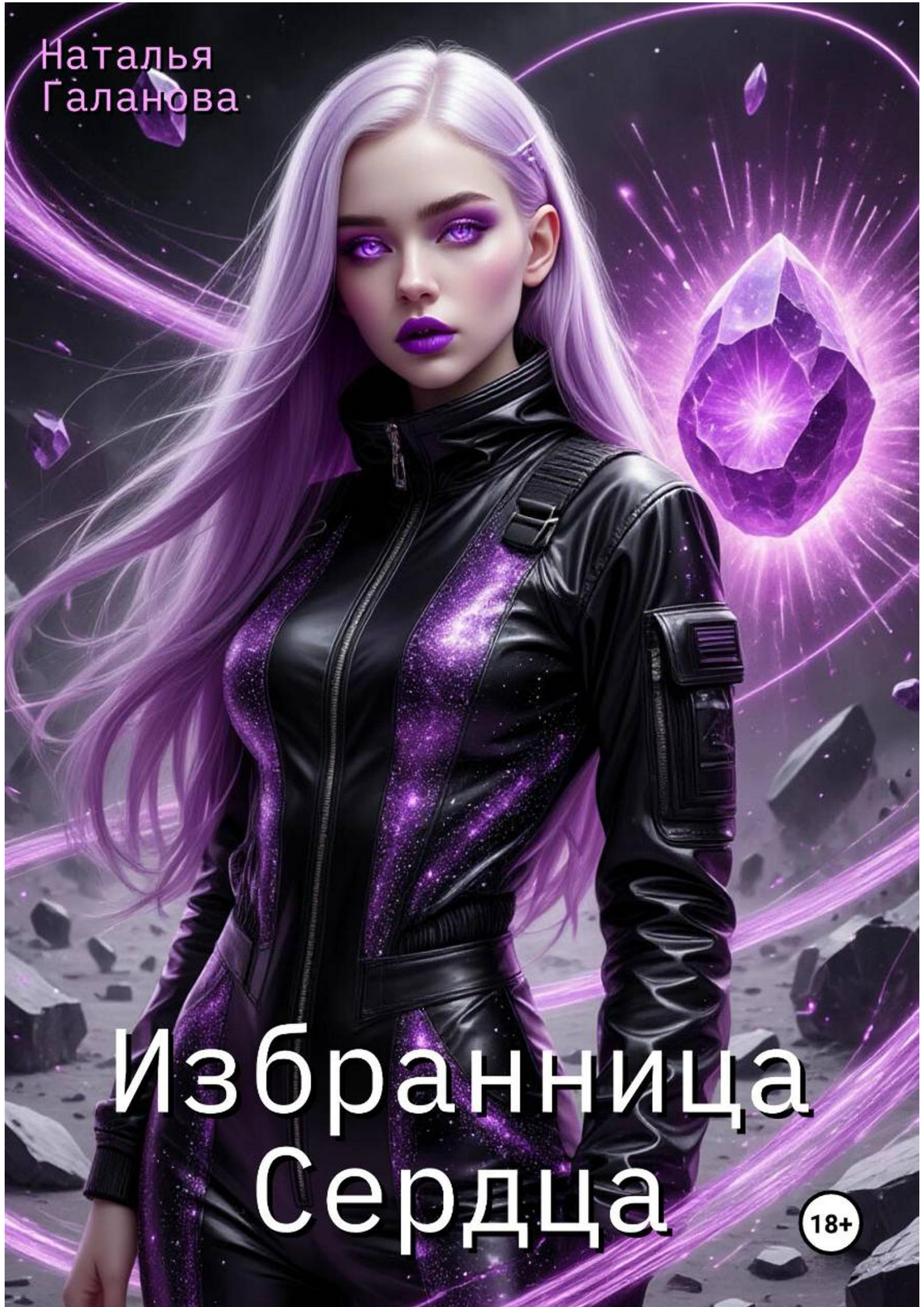

Наталья
Галанова

Избранница Сердца

18+

Наталья Галанова

Избранница Сердца

«Автор»

2026

Галанова Н.

Избранница Сердца / Н. Галанова — «Автор», 2026

Выжила на планете-хищнице — легко. Получила суперсилы — пожалуйста. Завела ручного птаха-маньяка — само собой. Сирения решила, что теперь можно и отдохнуть. Залечь на дно, прикинуться парнем, чистить вентиляции и не отсвечивать. Но вдруг появляются трое. Красивые, суровые, и, кажется, совсем не против того, что она "парень". Один лишь поцелуй по законам их вида — и она их жена. А Сердце их мёртвой планеты выбрало именно её. Признаться, что она вообще-то девушка? Сами догадаются? Птах молчит, но в его глазах читается: "Сама вляпалась, сама и выкручивайся".

© Галанова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава «1» Не тот груз	5
Глава «2» Балласт	8
Глава «3» Падение	12
Глава «4» Каньон	14
Глава «5» Коллекционер сфер и его гостя	20
Глава «6» Чёрт плешивый	24
Глава «7» Сделка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталья Галанова

Избранница Сердца

Глава «1» Не тот груз

– Что ты за дрянь такая? Почему не ломаешься? – рычал в своей капитанской каюте Хлам, в очередной раз пытаясь вскрыть похожий на пудреницу круглый, гладкий и бесшовный бокс из неизвестного металла, в упор его разглядывая через визор.

Вчера этот хладнокровный пират, человек, наполовину киборг – левая половина лица из полированного пластика, а левое плечо и рука – тяжёлые, металлические, с грубыми сочленениями и следами старой сварки – приобрёл набор инструментов для вскрытия, как утверждали производители, абсолютно всего. Его железная выдержка уже неделю трещала по швам. Живой ярко-голубой глаз под глубоким шрамом подёргивался от нервного тика.

Две недели назад он специально слетал на планету Тёрки в самой отдалённой части космоса, где разыскал редкого представителя расы Хрустери – обладающего уникальными зубами, способными перекусить что угодно. Уговорив его за приличные деньги сделать «кусь», Хлам «горел» визором в предвкушении, но разочарованно потух, как только пара зубов выскочила из пасти теперь уже единственного во всех известных Галактиках беззубого Хрустери.

До этого бокс пытались одолеть всеми возможными способами – от ювелирного до простого размаха кувалдой, которая развалилась от первого же удара. Теперь комплект валялся перед ним – весь погнутый, поломанный и раскрошившийся. Рядом покоилась идеальная пудреница. Со злостью швырнув в стену неподдающийся предмет, капитан одёрнул образцово чистую одежду и стал спокойно допивать остывший кофе, глядя на вмятину в стене.

Бокс и другие интересные трофеи были найдены в остатках древней лаборатории на астероиде. Всему нашлось применение: что-то продали, приспособили, но эта вещь... Хлам нутром чувал – именно в ней главная ценность, только ключ не подобрать. Мысли прервал ввалившийся в каюту Зуг, его инженер, гений механики и взлома по прозвищу Ёж – из-за генетической мутации его волосы росли жёсткими острыми шипами. Хотя уже, похоже, и не гений. Раз даже он не справился с этим проклятым артефактом.

– Всё готово, кэп, – бодро отрапортовал бывший «звездун».

Они шли вдвоём по чистым, аскетичным, обшитым металлом коридорам «Везучего Хлама» с люминесцентным освещением. Воздух искрился озоном и антисептиком. Внутри царил спартанский порядок, продуманный для выживания: ворованные голопанели, первоклассное оборудование. Но снаружи судно выглядело как свалка – асимметричная груда металлолома, собранная из обломков разных звездолётов, с неаккуратными сварными швами, заплатами из титановой сетки и потёками конденсата, имитировавшими течь. На носу небрежно намалёван устрашающий, но комичный зубастый силуэт. Никаких признаков вооружения или современных двигателей.

Грузовой отсек-подбрюшье, куда они пришли, был иным – это была не модернизированная часть корабля. Старый трюм находился в нарочито запущенном состоянии. Воздух здесь был спёртым и холодным, несло остывшим металлом, машинным маслом и пылью. Стены покрывала бурая коррозия и тёмные следы подозрительного происхождения. Освещение обеспечивали единичные мерцающие лампы дневного света, бросавшие резкие тени на груды контейнеров, бочек и непонятного технического хлама, сваленного у стен.

Среди этого хаоса собралась почти вся команда. В центре, наглухо приваренный к неровному полу, стоял массивный стол. На нём крепился незаконный модулятор разлома – попросту «Щель». От уродливого чёрного блока тянулись шипящие и гудящие кабели-жилы,

уходившие в темноту за ящиками и подключённые к энергосети корабля. Хлам шагнул к устройству. В механической руке, зажатый сильными пальцами, пульсировал последний из трёх купленных на нелегальном аукционе ядовито-зелёный кристалл, покрытый паутиной трещин. Его свет отражался в живом голубом зрачке пирата.

– Слышал, на Эридаке-9 за редкий, немодифицированный геном полгалактики отвалят, – хрипло вещал кому-то Ёж, кивая на кристалл. – Тамошние богатеи за настоящую кожу, без нано-вкраплений, удавятся. Говорят, дети тогда рождаются без мутаций. Мечта идиота.

– Заткнись и готовься, – оборвал его Хлам, но краем глаза довольно усмехнулся.

Кристалл, который называли «Нестабильным якорем» (или просто «Сердцевиной»), содержал энергию, необходимую для удержания разлома. Два первых якоря схлопнулись в самый неподходящий момент, едва не сожрав половину команды. Теперь вся надежда оставалась на этот, последний.

«Сердцевину» защёлкнули в слот – гидравлические фиксаторы с шипением обхватили кристалл, и на пульте «Щеля» зажглась зелёная шкала готовности. Раздался нарастающий вой, будто металл рвали изнутри. Воздух перед собравшимися бандитами затрещал и разошёлся, открывая мерцающий, неровный портал.

За ним замелькали силуэты, становясь всё чётче. Парк. Девушки: одна, вторая, целая компания. У пиратов разбегались глаза. Жадно всматривались. Времени на раздумья не было.

– Хватаем вон ту, красивую беременную, дороже стоит! – заорал Ёж, его шипы-волосы торчали от возбуждения.

Мысленно поддержав выбор, Хлам молниеносно просунул в дыру удлинившуюся кибернетическую длань, грубо схватил за куртку намеченную добычу и рванул на себя. Будущая мама вскрикнула от испуга и непонимания, люди вокруг шарахнулись в стороны. В считанные секунды она была почти у разлома, когда за спиной ценного груза раздался резкий, оглушительный стук металла о металл. Что-то тяжёлое и пухлое с силой толкнуло её в плечо – как позже выяснилось, это была мчавшаяся на помощь аниматорша, отчаянно занесшая над головой рваный зонт с торчащими спицами и опустившая его на кибернетическую конечность, которая держала жертву.

От неожиданного удара беременную отбросило в сторону – прямо в руки подросшего молодого человека в кепке, который успел подхватить её и вместе с ней повалился на мягкий газон, смягчая падение собой. В проём, на освободившееся место, врезался чужой яркий силуэт. Портал, яростно визжа, стал схлопываться. Последнее, что увидела спасённая девушка перед тем, как разлом исчез с глухим хлопком, – это пара глаз с длинными неестественными ресницами, объятых не ужасом, а дикой решимостью, и летящий прочь, на асфальт, искорёженный зонт-скелет.

В трюме повисла свинцовая тишина, нарушаемая лишь шипением остывающего «Щеля» и тяжёлым дыханием головорезов. На полу, среди обломков разлетевшегося при падении ящика, вместо красавицы лежало нечто незнакомое и непонятное для пиратов. На Земле это бы назвали – толстая смешная клоунесса. С размазанным гримом на лице, уже без накладных ресниц, она, неторопливо покряхтывая, поднималась, потирая ушибленный бок, чихая от пыли, обдавая всех всеерной волной микроскопических слюней. Её взгляд метнулся по нечеловеческим лицам, по обшарпанным стенам и ящикам, пытаясь осознать, куда она попала.

Капитан Хлам стоял неподвижно. Сузившийся живой глаз оценивал добычу, а на встроеном в кибернетическую часть лица мониторе пробежала строка сканирования: «Объект: органик. Пол: женский. Раса: не идентифицирована. Уровень угрозы: минимальный. Биомасса: избыточна. Рекомендация: утилизировать или передать работоторговцам».

«Вместо элитного товара для Эридака-9 – брак, на котором много не заработаешь, – мелькнуло в голове Хлама. – Но работоторговцы с ТоргПрайма берут всех. Вопрос только в

цене». На секунду на его лице отразилось нечто среднее между разочарованием и любопытством. Итогом стала кривая, беззвучная усмешка.

– Встречайте гостью, – тихо, но отчётливо проговорил он. – Похоже, у нас перемена программы.

Глава «2» Балласт

«Последние дни меня посещала мысль, что я самая уродливая во вселенной! И ещё эта подработка в костюме из дешёвой синтетики, постоянно пахнущем потом и статическим электричеством! А тут такой космозоопарк!» – мысленно она обвела взглядом помещение с диковинными экземплярами.

– Пчхи! – от чиха подпрыгнул подбородок.

«Пылищи-то! Ну что вылупились? Особенно эта циклопическая тощая медуза. Как-то маниакально она меня осматривает. Я тоже так умею, вот тебе!» – и уставилась на неё в ответ. – *Ага, испугалась, даже цвет поменяла! Пчхи! Ненавижу рептилоидов, это ведь точно они? Колючка, сборная железяка, кто ещё есть на одну не маленькую меня?»* – в мыслях подбадривала себя, хорохорясь, Сирения Куст, которой уже двадцать восемь, а жизнь всё идёт где-то мимо. С именем своим она давно смирилась и даже перестала желать мук ада тому, кто его дал. Её младенцем нашли в кустах сирени, облепленную злыми кровососами – только так она и выжила.

Руки всё ещё мелко дрожали, но происходящее было настолько диким, что страх просто не мог удержаться – эмоции гасли.

«А ведь сколько я фантастики пересмотрела, – пронеслось у неё в голове, – теперь эти инопланетяне вокруг кажутся почти родными. Ой, а этот киборг что-то там процокал?»

– Я тебя не понимаю! – с чувством зачем-то проорала она ему практически в лицо.

После этого в ухе у Полумашины появился раздражающий писк. Он мрачно впился взглядом в округлую фигуру и, дав указания команде, быстро скрылся в дверях, пытаясь не потерять остатки степенного вида.

Двое высоких мускулистых братьев-рептилоидов с короткими мощными челюстями подхватили с разных сторон под руки женщину, повисшую между ними, и проследовали за медузой, которая на корабле числилась доктором-экспериментатором и специалистом по модификациям и носила гордое и благозвучное имя Бонде. Воздух искрился озоном и антисептиком. Сирению посадили на стол, расположенный в центре комнаты. Пока она вертела головой, осматривая обстановку, доктор в небрежно накинутом хирургическом фартуке, постоянно что-то щёлкавший прорезью-ртом и этим отвлекавший от его манипуляций, не глядя всадил ей иглу в плечо – под кожу потек пульсирующий гель.

Но он не знал о непроизвольном рефлексе существа перед ним. Сирения дёрнулась, зацепив его руку, инъектор выскользнул и покатился по столу. Бонде, попытавшись его поймать, наступил на разбитую капсулу с препаратом, поскользнулся на разъедающей луже и, взмахнув щупальцами, врезался спиной в шкаф с медикаментами. Тот жалобно загремел, разноцветные колбочки дождём посыпались на доктора, осколки впились в студенистую плоть. Бонде забился в конвульсиях, его единственный выпуклый зрачок закатился, а цвет стремительно сменился с лилового на мертвенно-серый. Под ним растеклась ядовитая лужица – смесь из раздавленных препаратов и его собственной расплавленной плоти.

Пленница съежилась на столе, обнимая себя – размазанный грим сползал вязкой цветной жижей, как будто таяла её защитная оболочка, обнажая уязвимость.

Братья Скаар и Граат, грозно рыкнув и длительно прошипев в сторону раскрашенной толстухи, явно злились – их док валялся в отключке. Но капитан рывкнул по связи: «Живо в камеру!» – и приказ есть приказ. Они вцепились в её руки, не обращая внимания на возмущённые крики, и отволокли в камеру – как можно дальше от лазарета, в хвостовом отсеке. Тесную, с жёсткой лавкой и дырой для нужд. Дверь-решётка закрылась на бесшумный магнитный замок с голубым свечением, оставив заключённую в одиночестве среди ржавых стен и тусклого мерцания.

Несмотря на то, что круглое лицо клоунессы потеряло чёткие контуры губ, линию бровей, а очи превратились в размытые тени, в нём отобразилась вся хрупкая вселенная её души.

– В детстве выжила, и сейчас смогу. Главное – не сдохнуть от страха раньше времени. – Она свернулась калачиком на жёсткой лавке, уткнулась взглядом в блик на стене и провалилась в сон.

В это время в ремонтном модуле Ёж с точностью нейрохирурга возился с левым ухом капитана – одноглазый всё ещё не слышал нормально после того писка. При этом он умудрялся изливать свои мысли о потере красотищи и заработка теряющему терпение Хламу. Почему-то именно сегодня, глядя на размалёванное существо, которое и женщиной язык не поворачивается назвать, у главного пирата мелькнула мысль, что пора менять гордое название корабля. Ему уже доложили, что Бонде лежит в отключке, исколотый собственными препаратами. *«Эта примитивная баба просто махнула рукой. А ведь Бонде служил здесь не один десяток лет, участвовал в вылазках и в сражении мог дать фору даже рептилоидам. Возможно, стоит предложить ей место в экипаже?»* – этот мыслительный процесс прервал вопрос инженера: – Ну как? Я закончил.

Оценив работу, капитан направился в рубку, по пути увеличивая скорость. Замелькали алые огни, раздался предупреждающий сигнал. Заучив за долгие годы лабиринт извилистых однотипных коридоров наизусть, он мигом достиг мостика и всмотрелся в данные на голо-экранах за пультом управления. Члены команды ждали приказов. Пилот-навигатор Кип своими шестью гибкими пальцами лихорадочно перебирал варианты маршрута на панели. Его тощее тело, похожее на связку палок, напряглось. Капитан, оценив ситуацию, рыкнул и ударил кулаком по панели. С судна дистанционно сняли маскировку, и вскоре им на хвост сели три ярко-красных патрульных катера, борта которых уже открывались для высадки штурмовых групп.

Сейчас Хлам как никогда оставался ледяным прагматиком. Кивнув пилоту – тем самым разрешив манёвры и прыжки, он направился в грузовой отсек, на ходу раздавая указания остальным:

– Ближе к нам необжитая и совсем не ласковая планета Ксим-35, класс «Пожиратель». Кип пролетит над поверхностью как можно ниже – сбрасываем только балласт и мелочёвку, патрули не должны найти ничего ценного. Всё остальное спрятано в тайнике за четвёртой переборкой. Толстуху тоже ведите.

Сирению вырвало из забытья рёвом тревоги: *«Сколько я проспала – час, два, сутки?»* Голова ныла тупой болью, тело – пустотой в животе, пересохший язык прилип к нёбу. Ей было понятно: произошло что-то серьёзное. Долго размышлять не пришлось.

Дверь клетки с лязгом отъехала. На пороге стояли Скаар и Граат – те самые рептилоиды, что тащили её в лазарет. Но теперь в их взоре не осталось и следа того равнодушия, с которым они волокли её в первый раз. Только холодная, звериная решимость. Головорезы чуть ли не волокли её по коридорам.

В проходах кипела лихорадочная деятельность: существа разных видов спешно тащили, катили, волокли самые ценные вещи – ящики, металлические мешки, вёдра с непонятными механизмами. Часть дороги женщина с ужасом узнала – именно там, дальше, её втянули на пиратский звездолёт. Волна пронизывающего страха накрыла с головой, внутри всё сжалось от чёрного предчувствия: – *Убивать будут!*

– Живее! – оглушительно орал киборг. На месте, где недавно стоял стол, был открыт шлюз. Арахнидоподобное низкорослое существо с четырьмя цепкими конечностями и массивный каменнообразный напарник вышвыривали в него всё подряд, что им подавали другие члены команды. Внизу, в проёме, мелькали невиданные деревья, жёлтые каньоны. Сирения сильнее вцепилась в руки своих доставщиков.

– Ещё быстрее! – продолжал подгонять всех Хлам, и женщина осознала, что понимает его речь. Укол, сделанный медузой – стандартная процедура для живого товара, коктейль из наноботов и нейролингвистических данных – начал действовать. В сознании вдруг отозвались чужие слова, обретая смысл. А ещё она внезапно заметила, что дышит слишком легко – будто воздух вокруг стал родным, будто её лёгкие сами подстроились под эту чужеродную смесь газов. Уловив движение, Хлам развернулся, его кибер-глаз безжизненно смотрел на похищенную, второй отражал разочарование:

– Избавьтесь от неё! – прозвучал приговор.

Послушные приказу, рептилоиды тащили к смертельному проёму упирающуюся, орущую в панике и ужасе клоунессу. Она пыталась вырваться, судорожно дыша, кусалась, пинаясь, но куда ей было против груды мышц. Её швырнули в дыру, но каким-то чудом она зацепилась за край с выемкой, развела ноги в стороны, продолжая удерживаться и даже получая возможность смещаться от сквозного проёма. Непоколебимый пират был раздражён заминкой. Подойдя ближе, он поднял ногу, чтобы нанести удар по спине. В последний момент, до соприкосновения с телом, услышал предсмертный крик жертвы, от которого содрогнулся, а шрам на виске заныл, будто его снова разрезали: – Сдохните, твари! Проклинаю!

В эти слова была вложена вся боль, надломленность, несправедливость, жажда возмездия, ненависть, древняя и бездонная как сам космос. На долю секунды встроенный в визор Хлама анализатор зашкалило – сиреневый всплеск, потом показания выровнялись. Хламу показалось, что воздух дрогнул. И всё же его нога, словно сама судьба, безжалостно опустилась на спину.

Удаляющийся крик – её собственный ли, ветра ли? – через мгновение сменился далёким гулом. А команда продолжала сбрасывать оставшийся груз, как будто ничего не произошло. Они не раз так избавлялись от ненужного балласта, да и крови нет – убирать следы не придётся.

Патруль настиг их быстро, взяв в огневые клещи. В иллюминаторах мигали багровые вспышки, в эфире хрипели голоса, требующие сдаться. Три алых силуэта, синхронно сжимая пространство, не оставляли шанса на манёвр. «Везучий Хлам», петляя в теснинах каньона, нырял почти к самой поверхности. Капитан и экипаж, затаив дыхание, следили за пилотом – по корпусу уже застучали первые предупредительные выстрелы. Но одноглазый гнул своё: надо было уйти как можно дальше от места сброса, а уже потом изобразить из себя туповатых торговцев-оборванцев. Старая уловка обычно срабатывала.

Однако недружелюбная планета не собиралась их отпускать. Кип собрался было рвануть вверх, но не успел – каньон мигом начал заполняться густой, розовой и невероятно вязкой туманностью. Она не просто мешала маневрировать – она обволакивала корпус, как патока, стремительно густея и превращаясь в сплошную, упругую массу. Корабль, потеряв ход, беспомощно завис посреди скалистых стен, словно в гигантской паутине из розовой жвачки.

Патрульные катера, заметив странную аномалию, успели резко задрать носы и отпрыгнуть в сторону. Теперь они безмятежно зависли сверху, наблюдая, как пиратское корыто корчится в предсмертной агонии.

Застрявшее судно судорожно дёргалось, окутанное сгущающимся мерцанием, которое било из обшивки серебристыми молниями. Его стало неистово закручивать, яростно сжимать и безжалостно прессовать. В последние секунды Хлам, которого мотало, как тряпку в барабане, вспомнил взгляд толстухи. Шрам заныл снова, и вместе с болью пришло забытое: лицо сестры, такой же круглой и нелепой – он не защитил её тогда, в трущобах, где они жили, когда её похитили. Впервые за долгие годы он понял, что о чём-то сожалеет.

Всё кончилось так же внезапно, как и началось. Из переставшей быть липкой, самостоятельно растворяющейся паутины выпал металлический шар. Он был так безупречен, что и в голову не пришло бы связать эту идеальную сферу с ржавым корытом, кишасим отребьем. Казалось, это гигантская погремушка, случайно закатившаяся в царство песка и грязи.

Мгновенно из земли выстрелили щупальца-корни цвета каньона – будто ждали именно этого момента. Они хватанули сферу и утянули её в логово, прямо в чёрную утробу, бесследно закрывшуюся за добычей.

– *Снова*, – устало подумал командир патруля, разворачивая катер. Он уже видел такое однажды, ещё курсантом, на старых записях. Пожиратель брал своё.

Патрули, зафиксировав инцидент, развернулись и, форсируя двигатели, покинули орбиту.

Глава «3» Падение

Она падала – быстро, нелепо, без единого шанса.

Воздух ревел в ушах, вырывая из горла последние звуки – крик превратился в сухой, беззвучный хрип.

Она судорожно цеплялась за пустоту, размахивая конечностями, как кукла. Парик сорвало одним из первых порывов. Вслед за ним, оборвавшись, улетели в жёлтую мглу помпоны и банты. Грим засох на ветру и осыпался жёсткой крошкой, оголяя раздражённую, покрытую мурашками кожу.

Внизу, стремительно приближаясь, ждали кроны. Не деревья – гигантские, зелёные капканы, покрытые белым, неестественным пушком. Сирения перевернулась в падении, подставляя спину удару, надеясь лишь на одно: чтобы всё кончилось мгновенно.

Удар оказался странно упругим. Ветви, туго переплетённые меж собой, гибко прогнулись, приняв её плоть, и с той же безжалостной силой отпружинили в сторону. Она полетела, кувыряясь, на соседнего такого же великана. На миг удалось зацепиться, обхватить ветвь, ощутив под пальцами мягкий, обманчивый пух. Но качание быстро затихло, и фигура, неподъёмная от страха и веса, поползла вниз. Мягкий слой под ладонями сыпался свалывшимися хлопьями, обнажая гладкую, скользкую кору, мгновенно покрывавшуюся синеватой, липкой плёнкой. Удержаться было невозможно.

Бывшая клоунесса падала снова, обдирая о ветви ладони до крови. Животом на миг ударилась обо что-то твёрдое и гудящее – зацепилась за продолговатую, плетёную шишку. Та с треском оторвалась, и теперь облезлая туша летела, в отчаянии обняв эту странную ношу.

Земля встретила её жестоко и безо всякой пощады. Плод лопнул под громадой, превратившись в сине-оранжевое, шевелящееся желе, пахнущее гнилью и формалином. Адская боль, пронзительная и точечная, впилась в бок, будто толстыми раскалёнными спицами. По телу прокатилась волна – леденящий холод в конечностях, мгновенно сменившийся обжигающим жаром во всём туловище. Сквозь пелену слёз Сирения увидела, как из-под неё выползли несколько сизых, металлически блестящих насекомых с длинными жалами-хоботками. Сбившись в рой, они деловито улетели прочь.

«Вот так и умру, – пронеслось в сознании, ещё способном на мысли. – А на том уродском корыте была только разминка».

Тело начало неметь, наливаясь свинцом, но боль не уходила – она горела изнутри, разъедавая всё на своём пути. Кожа вспучивалась язвами, из лопнувших волдырей сочился яд, смешиваясь с пылью. Язык заплыл удушающей подушкой, не давая крикнуть. Оставалось только скулить, беззвучно шевеля губами, и молить о конце.

Раз – сверху, с глухим стуком, в песчаную плешь прямо перед её распухшим лицом плюхнулась – пудреница. Отскочившие песчинки брызнули в глаза-щёлки, вызвав новый, уже почти механический стон.

«Как будто мало мне... – промелькнуло в мозгу, затухающем от боли. – Класс... Гигантская инфузория...»

Крышка бокса бесшумно соскользнула. Оттуда выползло нечто. Круглое, плоское, полупрозрачное. Оно мерцало изнутри сиреневым, бегающим светом, будто по нему текли сгустки живой галактической пыли. Перебирая ажурной, кружевной окантовкой-подошвой, оно безошибочно скользнуло к её лицу.

Больше не было сил. Сознание женщины, истерзанное страхом и болью, наконец оборвало последнюю нить и рухнуло в чёрную пустоту.

Поэтому она не почувствовала, как холодное сиреневое сияние коснулось её кожи. Не ощутила, как оно не обжигает, а наоборот, гасит внутренний пожар, впитывая отраву и боль,

будто губка. Не видела, как пустая оболочка бокса мгновенно истончилась и растворилась в воздухе, словно её и не было. А существо – искусственный биоквантовый носитель, симбионт – растекалось по её телу сетью живых, светящихся прожилок, сливаясь с плотью, с кровью, с её последним, беззвучным криком.

Дыхание тонущей в аду женщины стало реже. Со стороны она была похожа на бесформенную, раздутую тушу, от которой уже несло не просто гнилью, а чем-то чужим и металлическим. Жизнь, казалось, вот-вот покинет это искорёженное тело.

Именно такой её и застал десант.

Сканеры патрульного крейсера зафиксировали энергетический всплеск в квадрате падения «Хлама». Аномалия класса «призрак» – возможно, уцелел артефакт или источник питания. Сержант Шешш с отрядом получил приказ вернуться и проверить.

– Здесь что-то есть. Биомасса, – раздался скрежещущий, лишённый интонации голос. Коренастый андроид с красным визором вместо лица водил сканером, луч которого нервно дёргался. – Данные некорректны. Местная органика создаёт помехи. Но признаки жизни... на грани.

Патрульные, одетые в лёгкую экзоброню с герметичными вставками и шелестящими чешуйками на плечах, выстроились полукругом. Бластеры были направлены на неподвижную массу.

– Не трогать, – прошипел сержант с кислотно-зелёными, узкими зрачками. Его чешуя поблёскивала под искусственным светом шлема. – Знаете этих тварей, «синявок»? Их яд не смыть. Если эта тварь лопнет – нам здесь же и сдохнуть, вместе с нашим железным коллегой. Она уже труп, просто ещё дышит.

Он дёрнул подбородком вверх – жест, заменяющий плевков в этой культуре.

– Уходим. Никаких артефактов, только биомусор. Планета своё забрала. Записываю: объект не представляет ценности, инцидент исчерпан.

Андроид ещё секунду постоял, его визор мигнул, фиксируя последние данные. Потом он развернулся на тяжёлых сапогах и грузно пошёл к десантному челноку. Остальные, не опуская оружия, отступили за ним.

Вскоре жёлтый каньон снова погрузился в зыбучее, ядовитое молчание, нарушаемое лишь шелестом странных растений. И только внутри распухшего тела, находящегося на краю гибели, начинала прорастать новая жизнь. Сеть сиреневых прожилок пульсировала всё ярче, спешно чиня сломанное, переписывая умирающее, вплетая в ДНК земной женщины древние коды забытого эксперимента.

Глава «4» Каньон

Сирения проснулась резко – так же, как умирала: на боку, жадно хватая воздух, откашляваясь и выплёвывая мутную слюнь.

Странный сон растворялся в памяти, уступая место реальности. Ей снилось, будто та самая беременная женщина, которую она спасла, с холодной усмешкой указывает на неё пальцем, а потом – куда-то за спину. Туда, где в глубокую тень уходит длинная каменная лестница с выщербленными ступенями. Она вела к массивным металлическим дверям, чуть приоткрытым. За ними растворялся неизвестный мир. Его словно отщипывали по кусочку, унося вихревыми, искрящимися потоками в далёкие вселенные. А тихий шёпот что-то настойчиво рассказывал...

– Отстань, – прошептала она во сне, мотая головой.

Видение таяло, сменяясь узнаванием. Память возвращалась, а с ней – карусель чувств: удивление, смутение, надежда. Вид её тела всё ещё был отталкивающим, но отёчность спала, а кожа покрылась сплошной гибкой коркой, словно задубевшей корой старого дерева. Одежда истлела, рассыпалась и была унесена ветром, оставив её обнажённой и босой. Впрочем, корка добралась и до ступней: теперь они служили отличной, чуть шершавой подошвой.

Она провела ладонями по бёдрам – и замерла.

Того, что всегда было мягким и тяжёлым, не было. Пальцы нащупали незнакомые очертания. Чужие.

Ощупала себя лихорадочно – там, где всегда висел фартук жира, теперь прощупывались мышцы. Колени не ныли. Спина не болела.

– Мамочки... – выдохнула она. – Лет пятнадцать скинула. Вместе с весом и парой старых травм! Чувствую себя... классно!

Вскочила на ноги – тело подбросило, как пружина. Присела несколько раз, прислушиваясь к себе. Ни боли, ни скованности.

– Это не я, – шепнула, разглядывая руки. – Я теперь... мутант, дерево, полено? – она рассматривала пульсирующие сиреневые прожилки. – Только, чур, в будущем не Буратино.

Она замерла, прислушиваясь к себе.

– Мне не показалось... тогда.

Женщина опустилась на корточки, уткнулась лбом в колени. Плечи вздрагивали.

Когда подняла голову, в глазах уже не было того ужаса – холодное любопытство пересилило.

Пора было думать, что делать дальше. Сирения оглядела местность, и её взгляд стал серьёзным и оценивающим.

Её окружали амортизирующие деревья с упругой корой и пружинистыми ветками – те самые, что смягчили падение. Повсюду раздавался монотонный стрекочущий гул. С оборванных веток всё ещё сочилась слюнь; она застывала резиновыми каплями, издавая сладковато-прелый запах.

Многочисленные крупные жуки с изумрудными хитиновыми панцирями и тремя стебельчатыми линзами, выдвигающимися по очереди, копошились вокруг. Они подхватывали капли слюны и, переваливаясь на коротких лапках, тащили их к норкам у подножия холма. Паре особо наглых, пытавшихся отщипнуть кусочек плоти, пока хозяйка была без сознания, досталось импульсным разрядом, полыхнувшим фиолетовым – посягателей разметало. Остальные, наблюдавшие издалека, увидев, как разлетаются ошмётки сородичей, близко подходить не решились – признали в неподвижной массе достойного противника.

Дальше раскрывались каньоны. Но это были не скалы, а гигантские, петляющие корни вымерших деревьев, изредка покрытые мхом разных оттенков. Ветер подхватывал осыпав-

шийся прах с плетёных стен и швырял его в лицо. Отростки создавали многоуровневые лабиринты с пещерами и туннелями. Именно туда и направилась Сирения.

– Какими же исполинами должны были быть эти деревья? – бубнила она себе под нос, почесывая покрытый коркой нос. – А ведь корневища не все жёлтые. Если прислонюсь – буду выглядеть как ещё один корень.

Посреди ущелья изгибалась и убегала вдаль речушка молочно-белого оттенка – из-за обитающих в ней микроорганизмов. По бокам, между камнями, тянулись вверх, напоминая длинные языки, странные растения.

– Пить опасно эту муть. Еды нет. Голая. – Сирения сникла. – Всё как я люблю.

Буквально в паре метров от неё что-то блеснуло. На примятом колючем кустарнике завис один из ящичков, суматошно выброшенных из корабля. Чуть дальше – ещё пара мешков, повреждённых при падении. В ящичке виднелась трещина, крышка съехала вбок – руку можно просунуть. А за кустом, в стене из корней, притаилась приличного размера пустота, похожая на просторную комнату.

Осторожно заглянув туда и обследовав её, Сирения признала это место временным убежищем.

Найденный груз оказался неподъёмным, поэтому копать пришлось прямо на месте. Деревянный ящик, успешно столкнутый на землю, окончательно развалился.

– Ну и что тут у меня? – Она перебирала содержимое. – Механизмы? Шестерёнки причудливой формы? Мигающая лампочка? Разная космическая хрень? Да-да, я обязательно разберусь, как этот хлам использовать. Оу, ножище! Неплохо! Настоящий тесак с зубцами. Впечатляющая находка. А это... какая отпадная шмотка! Тянется! Обожаю комбинезоны, особенно такие – блестящие, цвета детской неожиданности. Сейчас он меня очень преобразит, буду красоткой. Капюшончик? Мечта сбылась!

Затем очередь дошла до металлических мешков. В одном, сквозь дыру, виднелись прозрачные камни; несколько штук выпало и валялось неподалёку, в том числе у кромки воды. Во втором нашлась пустая бутылка литра на два, обрывок скрученной металлической нити, непонятные предметы и пара книг.

Она взяла первую. Символы на обложке поначалу казались абстрактным узором, но через мгновение сознание будто щёлкнуло – и закорючки сложились в знакомые слова. Словно встроенный в мозг переводчик наконец-то настроился на частоту.

– Так-с... «Как прочистить вентиляционные шахты от вредителей». Для чайников, ясное дело. Книга для отдыха души на вечерок! – пробормотала она.

Вторым был журнал. И куда интереснее: эдакий глянцевый бестиарий, где вместо чешуи и клыков изучали совсем иные достоинства. На обложке сияла кобальтовой кожей дева без зрачков и улыбкой, от которой у местных деревьев наверняка завяли бы пружинистые ветки.

– Ого! – Сирения хмыкнула, пролистнула пару раз, хмыкнула ещё раз и зачем-то аккуратно расправила помятый уголок. – Какое разнообразие существ. Мисс Вселенные! Ну, хоть какую-то информацию получу.

Внезапно земля содрогнулась.

Со стороны, откуда двигалось поднятое кем-то пылевое облако, донёсся гул. Сирения схватила приглянувшиеся вещи, на всякий случай горсть камней из мешка – и нырнула в неприметный проход своего укрытия.

Через пару минут мимо пронёсся табун длинношеих пятнистых парнокопытных, подгоняемый трубным рёвом. На отстающего, молодого и хромого зверя, напали преследователи – трое хищников на двух мощных лапах, с кожистыми складками на шее и вытянутыми мор-

дами, полными иглоподобных зубов. Челюсти смыкались с громким, сухим шелчком, раздирая плоть.

Расправа, а затем и кровавый пир происходили прямо напротив входа в логово.

Сирения, вжавшись в выросты, наблюдала иномирный выпуск «Мира диких животных», невольно представляя себя на месте жертвы. Трое «шелкунчиков» быстро расправились с тушей и, не почуяв «публику» – скорее всего, из-за запаха крови, разлившегося по всей округе, – направились вслед за ушедшим стадом.

Сирения только собралась выдохнуть, как действие продолжилось.

На место пира пришла стайка прыгучих существ – помесь тушканчика с хищной саранчой. Их тела, покрытые зернистой кожей, сжимались и распрямлялись, как тугие пружины, позволяя делать метровые прыжки. Морды заканчивались короткими, но невероятно широкими челюстями-дробилками. Они принялись методично перемалывать кости в порошок, слизывать кровь с камней и закусывать теми самыми языкоподобными растениями.

Не оставив от туши ничего, падальщики занялись водными процедурами, поднимая осадок в мелкой речке.

И вдруг стрекот насекомых – монотонный, к которому она уже привыкла, – внезапно смолк. Будто сама долина затаила дыхание.

Падальщики разом замерли и повернули морды в её сторону.

Сгруппировавшись, самые крупные направились ко входу.

Сирения выставила вперёд нож-зубец.

– Я устала умирать, – Голос звучал почти буднично. – Это не моё. Я пробовала – не зашло.

Голос сам собой сорвался на низкое, глубокое рычание, от которого задрожала грудь. Она почувствовала, как удлинились и заострились клыки. А очи, которых она не видела – светились сиреневым холодом.

Удивляться было некогда. А вот тому, что падальщики, взвизгнув, стремительно ретировались и растворились в горизонте, – порадовалась.

Она простояла так ещё с минуту – в грозной и нелепой позе с ножом наперевес, – пока дикая сила, переполнявшая её, не отступила, оставив лишь слабость в коленях и металлический привкус на языке. Медленно разжала челюсти, провела языком по гладким, уже обычным зубам. И даже скол на переднем, о который она вечно прикусывала губу, исчез.

Адреналин отступал, освобождая место холодному, ясному любопытству.

– Ты всё-таки во мне, – шепнула она, глядя на руку: там, где отвалилась корка, затухали сиреневые орнаменты. – Ну что ж... знакомимся?

– Молчишь.

Сирения высунулась наружу – осторожно, готовая моментально отпрянуть назад.

Никого.

Оставшиеся мешки и обломки вещей были растоптаны, сплющены, разбросаны клочьями. Прозрачные камни сверкали на земле блестящей крошкой, струйкой ссыпаясь в реку. Течение медленно уносило их прочь.

Наступали сумерки. Воздух становился прохладнее.

Сирения натянула комбинезон – благодаря тянучести он сел идеально, а наличие карманов её искренне порадовало. Затем с помощью ножа нарубила веток колючего пышного кустарника и загородила ими вход в убежище. Мнимая безопасность – но хоть какое-то спокойствие.

Прислонившись плечом к прохладному камню, она устроилась на выступе корня, словно на пуфе. Рядом, на другом подобном «сиденье», разложила свои находки – скромные сокровища.

Вспоминая приключенческие фильмы и книги, прикрепила проволоку к пузатой бутылке, обмотав её у горлышка и скрутив в петлю-ручку. Получилось сносно.

Отложив бутылку, открыла потрёпанный журнал, посвящённый красоткам галактики. Удивительные, разнообразные существа – похожие на людей и совершенно чуждые – красовались на страницах, сопровождаемые краткими и яркими описаниями выдающихся особенностей.

Она читала, пока серый сумеречный свет, проникавший в пещеру, позволял различать буквы.

Когда строчки окончательно поплыли перед глазами, она оторвалась от страниц. За порогом уже царил непроглядная ночь.

И в этот миг мир зажёгся.

В пещере и за её пределами словно включили миллионы гирлянд. Растения, деревья, мхи, резвящиеся в реке ночные рыбки и даже бабочки величиной с ладонь – всё источало собственное, призрачное свечение. В сочетании с ослепительным пологом звёзд и двумя плывущими лунами это зрелище было настолько завораживающим, что на время отвлекло от мыслей о еде и чистой воде.

На одной из страниц журнала Сирения увидела изображение бледной женщины с огненной стрижкой, которая томно ела те самые языкоподобные растения. Ими не брезговали и местные падалышки.

«Значит, можно», – решила она. Завтра проверит.

Она устроилась поудобнее в нише между буграми корней, пытаясь отрешиться от непрерывного потока мыслей. Вздрагивала от резких звуков извне – какофонии ночной жизни каньона. В воздухе пещеры витал запах старого дерева и чего-то сладко-пряного, исходившего от светящегося мха.

Усталость взяла своё. Сирения поддалась беспокойному, чуткому сну под мерцающим сводом своего приюта.

Проснувшись под голодные рулады живота, она сонно прищурилась и побрела к реке.

У самой кромки воды всё ещё торчали языки растений и серебрилась рассыпанная вчера кристальная крошка.

Но первое, что она заметила, – муть осела гигантскими хлопьями. Вода стала прозрачной.

Сирения зачерпнула ладонями, припала к ним ртом, жадно глотая, поперхнулась, откашлялась – и снова пила, уже аккуратнее. Холодная, чуть сладковатая. Сходила за бутылкой, ополоснула, наполнила до краёв.

– Завтрак?

Срезала пару «языков». Плотные, прохладные на ощупь. Пахнут зеленью и чуть-чуть – грейпфрутом. Хруст – как у молодого огурца. Внутри сочная мякоть с цитрусовой горчинкой. Живот благодарно уркнул, и наконец пришло чувство сытости. Не тошнит, не выворачивает наизнанку.

Она подняла голову.

Вдалеке, там, где корни сплетались особенно густо, угадывались арки – ровные, будто возведённые чьей-то гигантской рукой.

Идти туда не хотелось. Но хищники умчались в противоположную сторону – за стадом. Значит, под арками хотя бы не наткнёшься на стаю голодных челюстей. Сидеть на месте – тоже не вариант. А может дальше найдутся приличные гуманоиды?

Под корой на плече пульсировало чаще.

Сирения собрала вещи. Нож, бутылка с водой, остатки камней – те самые, что очищают воду, и даже горсть ещё не рассыпавшейся пыли. Книгу, журнал с девами. Всё распределила по карманам.

Еду нарезала полосками и затолкала в оставшиеся ячейки комбинезона.

– Ну всё, иду тебя познавать, мир. – Она поправила лямку. – Слушай, будь человеком. Свинью сразу не подкладывай. Если только через часик.

Час спустя она переступила порог узкой расщелины, затянутой мягким, пушистым мхом. От прикосновения тот осыпался серебристой пылью, забиваясь в складки комбинезона.

Сирения вышла в пространство, которое трудно было назвать иначе, чем залой.

Здесь толстые корни не сплетались хаотично – они были уложены ровными, концентрическими кольцами, словно амфитеатр для безмолвной церемонии. В центре, на возвышениях из окаменелой древесины, покоились металлические сферы. Идеальные. Гладкие.

Сирения пригляделась и только сейчас поняла: отростки, которые она приняла за плети, на самом деле были длинными гибкими щупальцами. Они любовно обвивали шары, поглаживали, будто смахивали невидимую пыль.

– Дракон с сокровищами, – одними губами прошептала Сирения.

Стараясь не потревожить коллекционера, она пригнулась и почти на карачках двинулась вдоль стены, туда, где угадывался выход.

Не успела.

Одно из щупалец, словно почуяв движение, молниеносно метнулось к ней. Гибкое, сильное – оно обвилось вокруг тела, сжало, проверяя на прочность.

Сирения не дышала. Сердце грохотало где-то в горле. Если бы не корка, одежда на спине промокла бы насквозь.

Но щупальце резко разжалось.

Мягко, почти невесомо провело кончиком по её щеке – по шершавой, потрескавшейся коже. Оставило влажный, поблёскивающий след. И, словно убедившись в чём-то, вернулось обратно – к сферам, к своим бесценным сокровищам.

Сирения не стала дожидаться, пока коллекционеру вздумается проявить ещё нежности.

Выскользнула из залы так быстро, как только позволяли ватные ноги и бешено колотящееся сердце.

– Поцелуй монстра! – выдохнула она, трогая липкий след на щеке. – Чем заслужила-то?

Ответа не было. Она постояла, прислушиваясь – щупальца остались у своих сокровищ. Выдохнула и побрела дальше, туда, где плети редели, уступая место свету.

Следующее пространство оказалось запущенным садом.

Сквозь знакомые колючие кустарники и кривые, сухие, но упрямо цветущие ветви проглядывали другие деревья – широколиственные, с плодами, похожими на персики. За стеной колючек оказался чистый пятачок, где они и росли – словно специально посаженные. Сирения двинулась к ним, раздвигая колючки локтями.

Выше, на ветвях сидели птицы. Яркие, словно облитые краской: одни – ультрамариновые с малиновыми хохолками, другие – лимонные, с длинными, как у павлинов, хвостами. Они деловито клевали персики.

Увидев Сирению, птицы замерли. Переглянулись – слишком синхронно, слишком слаженно, будто по команде. Это напрягало.

И началось.

Они распушили перья, защёлкали, затрясли всевозможными хвостами, закивали головами в странном, однообразном ритме. Несколько особей принялись выделять круги вокруг ствола, припадая то на левую, то на правую лапу.

– Надеюсь, это не брачные танцы, – пробормотала Сирения. – Поцелуй с меня хватит.

Она осторожно протянула руку к ближайшему персику.

Едва пальцы коснулись ветки, один из танцоров – ультрамариновый нахал с малиновым ирокезом – деловито клюнул плодоножку. Персик шлёпнулся Сирении прямо на макушку.

– Аа! Зараза! Ой!

Птицы встрепенулись. Идея оказалась заразной: теперь уже несколько клювов деловито щипали плодоножки, и персики градом посыпались на Сирению. Представление продолжилось с удвоенной энергией, и теперь к персикам добавились более... органические снаряды. Белые, вязкие и, как выяснилось, очень меткие.

– Да за что мне всё это?! – Сирения пригнулась, прикрывая голову руками. – И почему в лицо-то?! Меткие...

Она отступала, не сводя взгляда с пернатых агрессоров, и не заметила, как почва под ногами сменилась. Вместо неё теперь был слой перегнивших остатков пней, трухлявых веток. Всё это зыбко проминалось, кое-где проваливаясь под весом.

Ещё шаг – и эта труха предательски разошлась, открывая чёрный зев подземелья.

Сирения взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, – и провалилась в темноту.

Глава «5» Коллекционер сфер и его гостя

Женщина рухнула вниз, сшибая по пути какие-то пустые ящики, и с глухим «бум!» ухнула в открытую капсулу, стоящую немного под наклоном – словно открытый саркофаг, который кто-то прислонил к стене и забыл закрыть.

Капсула дёрнулась, и крышка по инерции захлопнулась – торчащие осколки стекла оказались в сантиметре от лица. Сирения замерла, чувствуя, как холодные обломки почти касаются щеки. Но крышка до конца не закрылась: ноги, свесившиеся наружу, помешали.

Она выдохнула, рукой откинула тяжёлый край. Ноги ныли – крышка всё-таки приложилась знатно.

– Хорошо хоть не отрезало, – пробормотала она, шевеля пальцами.

Скрипучий матрас под её весом просел, но ощущался на удивление упругим. Взметнувшееся облако многолетней пыли сухой взвесью осело на лицо, волосы, комбинезон.

Сирения попыталась откашляться, но горло забилося, и вместо слов вырвался только хрип. Она тёрла веки, чихала, размазывая по лицу въедливую труху.

– Ну и бардак! – вынесла вердикт, но голос звучал гнусаво. Шмыгнула носом и снова чихнула, теперь громче.

Вытерла лицо рукавом, поморщилась – пыль скрипела на зубах. Сидела в капсуле, свесив ноги через край, и с высоты своего неожиданного пьедестала оглядывала помещение.

Света здесь почти не было. Только сверху, из рваного проёма, сочилась тусклая серебристая полоска, да переплетённые плети, густо оплетавшие стены, источали призрачное свечение – кое-где с рыжеватым отливом. Зрение быстро привыкло к полумраку.

– Ну, посмотрим, куда меня занесло, – шепнула она и только теперь подняла глаза.

Она выбралась наружу, цепляясь руками за края капсулы, и первое, что почувствовали босые ступни, – холодный, натянутый мелкой крошкой пол.

То ли исследовательская, то ли бывшая операционная, совмещённая с жилым отсеком. Судя по планировке, здесь работали и жили. Давно. Очень давно. Вдоль стен – остатки сваленных в кучу коек, обуви, скомканное одеяло, давно истлевшее.

Сирения перевела взгляд на центр комнаты. Там, будто алтарь посреди руин, возвышался стол-колонна из металла и плоти – побегі вплавились в сталь, срослись с ней намертво. На столе – остатки рабочего места: лоток из-под инструментов, россыпь чипов, похожих на старые флешки, чашка с отколотым краем и въевшимся налётом внутри. Взгляд скользнул внутрь – и встретился с маленькими глазками давно высохшего паучка. Тот сидел на донышке, поджав лапки, будто умер от ужаса, увидев, что налили в прошлый раз.

Сирения сгребла чипы в карман – кто знает, может, там ответы.

У стены – вогнутая панель, на вид целая. Рядом консоль управления. Вернее, то, что от неё осталось. Оплавленные дыры, обгоревшие контакты и одна-единёшенька кнопка. Голубая, тускло мерцавшая в полумраке. Слово спецэффект в дешёвом хорроре: «Нажми меня, дурачок».

– Точно кино! – пробормотала она. – И тыкнуть хочется. В голубую.

Ткнула.

Экран моргнул и ожил.

– Камеры! – Сирения взгляделась. На панели высветились обозначения: «Сектор-7 (каньон)», «Некрополь» и «Ур. 3» – последний сектор утопал в густой, непроглядной темноте.

Она прищурилась, пытаясь разглядеть хоть что-то, – ей показалось, или там действительно шевельнулась тень? А может, просто блики на экране.

Где-то в глубине, за стенами, загудел механизм, вздохнул и затих. Потом снова – короткий, надсадный стон вентиляции.

– Ладно, – сказала она экрану. – С тобой потом разберусь.

Щелчок – и свет погас.

Тишина стала гуще. Только далёкие, едва слышные капли где-то в корнях и этот гул – теперь уже совсем слабый, умирающий.

Сирения отвернулась к стеллажу.

Он покосился, половина полок рухнула, погребя под собой груды папок, чертежей и треснувшую колбу. Женщина присела на корточки.

Следующее помещение оказалось за заклинившей дверью. Механизм заело – пришлось поддеть ножом.

– Кладовка? – Сирения просунула голову внутрь.

Здесь было темно – хоть глаз выколи. Она шагнула вперёд и сразу заметила: вокруг неё разливалось слабое сиреневое сияние. Прожилки под коркой пульсировали ярче, разгоняя мрак.

– Я лампочка? В хозяйстве пригожусь, – шепнула она, разглядывая светящиеся руки.

Этого света хватило, чтобы рассмотреть помещение. Стеллажи ломились от сухпайков. Этикетки выцвели, упаковки выглядели герметичными. Она взяла одну, повертела в руках.

– А это...

Коробка. Яркая, шуршащая, с уже знакомыми иероглифами на обёртке.

– Боже, у меня ноги от счастья подкашиваются. Батончики!

Она дрожащими руками разорвала оболочку, откусила.

– Гадость какая! – выплюнула. – Тьфу!

Прополооскала рот из бутылки, заела припасённой полоской «языка». Утёрла слезу.

– Ладно. Не всё сразу.

Разорвала паёк. Внутри – твёрдые серые пластины, похожие на галеты, и мягкий брикет, пахнувший мясом и гречкой. Понюхала. Отломил кусочек. Съела.

– Нормально, – признала она. – Даже вкус есть.

За стеллажами, на крючке, обнаружилась покрытая налётом сумка. Жёсткая, вместительная, с длинным ремнём – то ли хозяйственная, то ли вещмешок. Сирения, отряхнув находку, скинула в неё пайки. В дальнем углу, под слоем пыли и кабелей, нашёлся шнур. Длинный, гибкий, с сохранившейся изоляцией. Она скрутила его в бублик и сунула к провианту.

– Пусть будет. В фильмах такое всегда пригождается.

Сирения выбралась из кладовки, прикрыв за собой дверь, и снова оказалась в лаборатории. Взгляд то и дело возвращался к стеллажу – к щели за ним. Там, куда не доставал даже слабый свет светящихся плетей, зияла чернота.

Она сдвинула покосившийся стеллаж плечом – тот послушно отъехал в сторону, подняв сухую муть. Лозы здесь светились – слабо, словно нехотя, но достаточно, чтобы различать стены. Сирения сняла с плеча сумку, поставила у стеллажа.

– Нафиг таскать, – решила она. – Вернусь – заберу.

Коридор был узким, тёплым и живым. Жилы оплетали стены сплошным коконом, кое-где пробиваясь сквозь панели, кое-где срастаясь с ними в единое целое. Где кончалась техника и начиналась плоть планеты – уже не разобрать.

Исследовательница двинулась вперёд, выставив руку. Сиреневое сияние от пальцев выхватывало из темноты шевелящиеся сплетения корней. Пальцы скользили по шершавым, чуть влажным стенам.

– Главное – не думать о том, что это может быть чей-то пищевод, – шепнула она себе. – Я просто иду по коридору. Обычный коридор. В обычной... ну, неважно.

Она вдруг остановилась. А собственно, зачем она туда лезет? Не иначе головой удари-
лась, когда падала.

Шаги глохли в этой пульсирующей перине. Но ноги всё равно несли вперёд.

Через десяток метров проём расширился, вытолкнув её в ещё одно помещение.

Сирения замерла на пороге.

Темнота.

Не просто отсутствие света – плотная, осязаемая, будто её налили сюда, как густой сироп.
Воздух здесь был холоднее и пропитался затхлостью.

– Эй, – позвала она шёпотом. – Есть кто?

Никто не ответил.

Только в углу, опутанный побегами, тускло мерцал кристаллический накопитель –
матово-серая глыба с живым, синеватым ядром внутри. Он отбрасывал на стены причудливые,
шевелиющиеся тени от пыли, кабелей и сломанных стульев. Сирения сделала шаг к нему, вытя-
нув руку, надеясь, что света хватит, чтобы хоть что-то разглядеть.

Ядро мигнуло в последний раз – и затихло.

Тьма стала абсолютной.

– Вот же... – выдохнула она.

Паника кольнула под ложечкой. Сирения вслепую шагнула назад, к стене, выставив руку,
чтобы нащупать хоть какую-то опору. Ладонь ударилась обо что-то мягкое, влажное – и она
отдёрнула её, сдерживая крик.

И вдруг стена засветилась.

Там, куда она ударила, вспыхнула сеть знакомых прожилок. Они разбегались от её
ладони, как рябь по воде, зажигая одно за другим переплетения корней. Щупальца, оплетав-
шие комнату, отозвались – они дрогнули, зашевелились, словно просыпаясь и раздвигаясь, и
на стене проявился голографический экран. Мутный, с помехами, но работающий.

– Ни хрена себе, – прошептала Сирения, разглядывая свою руку. – Я теперь ещё и выклю-
чатель.

Она выгребла из кармана горсть чипов, поднесла к светящейся стене – слотов не было,
только шевелящиеся щупы. Чип хрустнул в пальцах, рассыпался трухой.

– Да твою ж...

Она вытащила следующий – та же история. Чипы, пролежавшие здесь десятилетия, рас-
сыпались от прикосновения.

– Ну конечно, – Сирения устало прислонилась к стене. – Всё как у меня.

Но стена снова отозвалась. Прожилки на ней струились ярче, и на экране, прямо поверх
помех, поплыли строки и кадры из памяти этого места.

«...носитель 27-Б... раса: кс...лари... биоквантовая интеграция... фаза вторая...»

– Лари? – переспросила Сирения. – Это кто вообще? Зелёные? С щупальцами?

Голос – ровный, безэмоциональный – читал протоколы, обрывки записей, личные днев-
ники учёных.

«...носитель классифицирован как "оборотень". Неофициальный термин, но точный...»

– Оборотень, – эхом отозвалась Сирения, касаясь своей щеки.

«...носителей приказано ликвидировать. Чтобы не оставлять следов...»

Голос стих. Прожилки на стене потускнели, экран погас.

Сирения стояла в темноте. Слушала, как где-то далеко, в глубине плетей, капает вода.

– Значит, так, – сказала она наконец. – Я – носитель. Лари, валли, или кто-то ещё, кого
они не смогли опознать. Я регенерирую. Я, может быть, вообще не старею. Я могу выпускать
когти и менять кожу, вроде бы. Яды мне не страшны.

Она помолчала.

– И ещё я – недобитый непредвиденный нежданчик.

Некоторое время она стояла неподвижно, приходя в себя. Потом развернулась и побрела обратно по коридору – в главную лабораторию, где остались сумка и саркофаг. Ноги несли её почти на автомате, мысли путались, но одна была ясной: надо где-то переждать ночь.

Вернувшись, она подтащила саркофаг к консоли с камерами – колёса не слушались, матрас скрипел, но она всё равно пыталась, пока не поставила его ровно. Стряхнула мусор. Просто стряхнула – вытирать всё равно нечем.

Села.

Экран камер всё ещё работал – видимо, консоль питалась от отдельного источника. На нём мерцали каньон, зала сфер и тёмный сектор, где по-прежнему ничего не разобрать.

Она жевала брикет, запивала водой. Рядом – раскрытая папка и отдельный помятый лист, который она отыскивала среди черновиков.

«Проект "Сирин".

Симбионты, вживлённые в нервную систему. Цель – адаптация носителя к экстремальным средам. Результаты впечатляют. Но есть побочки: не все симбионты полностью принимают носителя. Связь нестабильна. Некоторые слышат голоса мёртвых планет. И этой – Ксим-35. Планета живая. Дышит. Корни уже здесь.

Корабли тех, кто прилетел на зачистку, она забрала себе. Превратила в игрушки – в эти гладкие сферы. Она пришла и за нами. Не по нраву ей пришлась наша деятельность.

"Сирин-12". Его я успела отослать – другу, за пределы сектора. Я упаковала его так, чтобы никто не нашёл случайно. Он заслуживает покоя. И заслуживает того, кто его поймёт. Он станет больше, чем друг – тому, кому откроется».

Сирения свернула лист. Закрыла папку.

Долго сидела, глядя на потухшую кнопку консоли.

– Я не умею заботиться, – сказала она тихо. – У меня даже кактус сдох.

Она замолчала, прислушиваясь к себе.

– А ты... ты во мне. И молчишь.

– Ну и молчи. Я сама разберусь.

– Спокойной ночи.

Сиреневые прожилки под коркой пульсировали ровно, в такт сердцу.

Глава «6» Чёрт плешивый

Ей опять снился странный сон.

Планета. Почти безжизненная, серая, в шрамах кратеров. Над ней – белые корабли с длинными антеннами. И зов, пропитанный надеждой, бьющийся в груди:

– Я жду! Стань нашей!

Сирения пискнула в ответ:

– Я ещё не решила.

Зов стал невыносимым. Проснулась – рывком, будто вынырнула из глубокой воды. Сердце заколотилось часто и гулко, до сухости в горле. По телу пробежала липкая, противная дрожь. А вместе с ней пришло ясное, настойчивое ощущение: пора двигаться дальше. Куда – непонятно. Но оставаться здесь больше нельзя. Слишком сильно давил этот сон, слишком много она узнала про тех, кто был здесь до неё.

Поднялась. Окинула взглядом убежище: бутылка, пайки, шнур, папка с записями. Информацию решила оставить здесь. С собой – только еда, шнур, который «в приключенческих фильмах всегда пригождается», и то, что уже лежало в карманах: горсть прозрачных камней, журнал с девами, книга и зубец.

Набила сумку пайками под завязку – тяжёлую. Перекинула ремень через плечо.

Последний раз взглянула на мониторы – нажала кнопку выключения. Экран моргнул и погас, погружая лабораторию в полумрак.

Собрала уцелевшие ящики, составила друг на друга – получилась шаткая, но высокая пирамида. Взобралась наверх, балансируя на последнем, и едва дотянулась до корней, свисающих с края провала. Подтянулась, перевалилась через край – и в тот же миг услышала, как сзади с грохотом рухнула импровизированная лестница.

– Моя физическая форма... – прошептала, отряхивая комбинезон. – Намного лучше, чем в прошлой жизни.

Подобрала с земли несколько персиков, которые не успели растащить пернатые, сунула в сумку – застёжка выдержала, – быстро пробралась через заросли, подальше от любвеобильных птиц, и вышла к дракону.

Он заметил её сразу – едва ступила на его землю. Щупы выстрелили из корней раньше, чем она успела сделать второй шаг. Не грубо – мягко, почти заботливо подтолкнули под спину, направляя ближе к кольцам.

Коллекционер хотел похвастаться.

Щупальца подносили шары один за другим, сменяя их, словно кадры в диафильме. Сирения вглядывалась – и только теперь заметила: они всё же разные. Цвет, глубина, узор на поверхности...

Один шар задержался возле неё дольше других.

Узнала его сразу – хотя внутри всё сжалось от ледяной, торжествующей злости. По корпусу, вмёрзшему в гладкий металл, расплзался знакомый рисунок: зубастая улыбка, намалёванная когда-то на носу пиратского корыта и врезавшаяся в память даже во время падения. А в центре оскала, впечатанный в сферу, тускло светился визор.

Тот самый. Киберглаз Хлама. И рядом его (не)живой глаз – теперь такой же пустой и стеклянный, вмёрзший в металл.

– А проклятие-то сработало, – выдохнула Сирения. В голосе не было страха. Только холодное, спокойное узнавание. – Теперь я знаю, что с вами случилось.

Шагнула ближе к щупальцам, к сфере. Заглянула в пустой глаз пирата.

– И знаешь что, урод? Я не прощаю.

Усища дёрнулись. Сферу убрали мгновенно – спрятали вглубь кольца, прижали к себе, обвили со всех сторон. Коллекционер не рычал, не угрожал. Он просто прятал своё сокровище. Любовно. Собственнически.

Сирения усмехнулась.

– Не претендую.

Развернулась и двинулась дальше – к реке, к выходу из каньона, туда, куда вёл этот белый молочный поток. Щупальца больше не касались спины. Только провожали взглядом из темноты. Или показалось?

Корневой разлом всё тянулся и тянулся. Пейзаж понемногу менялся, радуя взор новыми видами флоры. Вдоль берега, кремовыми колониями, разбросались кочки мохнатой травы, усеянные искристыми каплями, похожими на утреннюю росу. Коварную росу. Сирения даже притормозила, засмотревшись на эту красоту. И только тогда разглядела: в каплях кто-то есть. Мелкие мушки, ещё подёргивающие лапками, висели в прозрачной жидкости, как в янтаре. А рядом, на соседних кочках, точно такие же капли – пустые. Чистые. Ждущие.

Это кладбище насекомых тянулось теперь за Сиренией постоянно, перемежаясь с зарослями «языков». Через пару групп трупиков сменились яркими знакомыми перьями – и это насторожило.

Оглянулась – никого.

Присела на валун перекусить. Сначала допила воду, зачерпнула новую из реки, бросила в бутылку прозрачный камень из кармана – надеялась, что очистительный. Вытянула ноги, захрустела галетой, достала персик. Разглядывала, решаясь откусить, – и вдруг прямо перед ней возник яркий птах.

Он был похож на тех, у дыры. Только этот казался каким-то пришибленным. Или грустным. Половины перьев лишился – скорее всего, на тех же кочках, объедая мошек.

Сирения замерла, попробовала сойти за корень. Не вышло.

Птах склонил голову набок, глянул на персик, потом на неё. Курлыкнул – коротко, вопросительно. Она не шевельнулась. Он переступил с лапы на лапу, присел, распустил жалкие остатки хвоста веером и выдал такую трель, что у Сирении челюсть отвисла: *«Соловьём заливается, чёрт плешиивый»*.

– Эх, – выдохнула.

И персик покатился прямо к его лапам.

– Зря я это сделала.

Птица распушила то, что осталось от былой красоты. Танец начался.

– Сгинь, нечистая! – Сирения вскочила. – У меня с прошлого раза на комбинезоне следы страстной любви остались! Не отодрать! Ничем!

Подхватила сумку, сунула в неё недоеденную галету и рванула с места так, будто за ней гнались все хищники планеты разом. Одиночество на далёкой планете в этот момент нисколько не смущало.

– Ты что удумал, плешиивый?! – взвизгнула, отскакивая от настойчивого ухажёра, который тёрся об ногу. – Не трись об меня! Моя нога не должна пострадать от насилия и произвола!

Напоследок всё же развернулась и зарядила нахалу ногой под хвост – от души, с оттяжкой. Птах взвизгнул, взлетел, врезался в ближайший куст и завяз там, возмущённо молотя крыльями по липким каплям. Сирения же была уже вне зоны видимости.

Вылетев из каньона, оказалась на открытой местности, поросшей изумрудной растительностью по пояс.

Вокруг резко всё зашевелилось. Без ветра.

Сирения вгляделась в высокие стебли – и только тогда поняла: это не трава. Это тени. Серые, дымчатые, почти прозрачные в зелени. По поляне пошли круги, расходясь от невидимых центров. В центре каждого круга, из травы, торчала войлочная труба, ухающая, как филин.

Животные размером с крупную собаку напоминали сваявшиеся дымчатые валенки – такие, будто их кто-то пытался причесать, да бросил.

Зубец молниеносно вылетел из сумки, зажатый в руке.

– Душу высосут? – пискнула Сирения.

Она не успела толком обдумать, какой именно смерти ей сегодня ждать. Сверху, с диким воплем, рухнуло нечто. Общипанное, злое, с горящими глазами – её личный пернатый маньяк влетел прямо в жерло ближайшей тени и вошёл туда, как по маслу, только лапы наружу торчали.

– Нашёл, гадёныш!

Атакованный зверь зашёлся кашлем, завыл, закрутился волчком, сбивая сородичей. Те, впечатлённые зрелищем и явно соперживая собрату, бросились помогать: тыкали в него когтистыми лапами, пытаясь выковырить пернатый ком.

Сирения пригнулась и растворилась в зарослях.

Неслась, не разбирая дороги. Чьи-то гнёзда попадались под ноги, переворачивались, и возможно, некто кто-то помельче был даже раздавлен – но останавливаться и проверять она не собиралась.

Скоростной марш-бросок принёс свои плоды.

Заросли внезапно кончились. Вылетела на открытое пространство – и замерла.

Посреди поляны, уткнувшись носом в землю, стоял корабль.

Глава «7» Сделка

– Парень, нож опусти! – грубый голос сбоку.

Сирения не сразу поняла, что обращаются к ней. Завертела головой, высматривая того самого парня – будто он мог спрятаться за ближайшим кустом. А когда дошло, хмыкнула про себя и убрала зубец в сумку.

Рядом уже стоял громила с бородой, заплетённой во множество косичек, и внимательно её рассматривал. Взгляд тяжёлый, оценивающий – от таких обычно ждёшь подвоха. За его спиной маячили остальные: тощая ящерица с холодными глазами, мелкое насекомоподобное существо с четырьмя руками, сосредоточенно копающееся в груди запчастей, и грузный усач, похожий на моржа – он как раз выносил из корабля дымящуюся миску.

– Я Крогг, капитан этой развалюхи, – представился бородач, косички звякнули. – А это моя команда, – кивнул в сторону подтягивающихся к ним.

– Ты кто? Как сюда попал? – скрестил руки на груди.

Сирения выдохнула. Воздух вышел со свистом – она и не заметила, что задержала дыхание. Легенда у неё была только одна.

– С Земли. Сирин. Был похищен пиратами.

Пауза.

– С Земли? – переспросила рептилия, подходя ближе. – Не слышала о такой. – Кивнула: – Зила.

– Я тоже много о чём не слышал, – Сирения пожала плечами. – Но это не значит, что этого нет.

Крогг хмыкнул, но в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение – или насмешку, с такого лица не поймёшь. Усач с миской представился Бимом и сунул ей в руки дымящееся варево:

– Жуй, парень. Тощий больно. Потом расскажешь.

Пальцы сами стиснули миску – будто отнимут. Тепло разлилось по ладоням, и в животе предательски заурчало. Но есть пока не стала – сначала надо дожать.

– Слушайте, – начала она, оглядывая корабль. Машина потрёпанная, но ухоженная. На боку – аккуратные заплаты, из открытого люка торчат провода, мелкий механик копошится в железных внутренностях. – Вижу, у вас аварийка. Я не прошу просто так. У меня есть... товар.

Зила прищурилась:

– Какой товар?

Сирения полезла в сумку, делая вид, что достаёт что-то ценное. Сама лихорадочно прикидывала, что сказать. Пайки? Камни? Журнал с девами?

И тут сверху, с диким курлыканием, на поляну рухнуло нечто.

Общипанное, злое – и до боли знакомое.

Птах шлёпнулся в пыль в двух шагах от неё, отряхнулся, подняв облачко, и вперился с таким укором, будто она была виновата во всех его бедах. Мол, бросила меня, а я тебя спас. Теперь корми.

Сирения зажмурилась на секунду: «Ну конечно!».

– Вот, – сказала она, указывая на птицу. – Товар. Редчайший пернатый певун! – ткнула пальцем в пятна на комбинезоне. – Видите? Это он меня пометил. А после этого я несколько раз смерти избежал. Его помёт уникален – если пометит, удачу приносит. Мамой клянусь.

Зила скептически приподняла бровь, но из люка уже высунулась голова женщины – молодой, с чуть вытянутыми зрачками, как у Крогга, и длинными тёмными волосами, заплетёнными в косу. Увидела птаха – и глаза загорелись ярче ламп на панели управления.

– Крогг! – Женщина выбралась из лаза. – Это правда певун? Я думала, их больше нет!

Крогг перехватил взгляд Сирении:

– Ирма, моя жена.

«Вот это я попала, в яблочко!» – мелькнуло в голове у Сирении, но лицо сохранила невозмутимым.

Ирма уже кружила вокруг птаха. Тот, почуяв внимание, попытался распушить остатки хвоста, но сил хватило только на вялое подрагивание.

Сирения поняла: это её шанс.

– Птах ваш! – выпалила она. – Если довезёте и поможете. И персик в придачу.

Рука нырнула в сумку, нащупала персик – и вот он уже в ладони, протянутый Ирме:

– Держи. Покорми его. Увидишь, какой ручной.

Ирма взяла персик, присела перед птахом. Тот, хоть и выглядел общипанным и смертельно уставшим, клюнул угощение вполне прилично – даже не попытался цапнуть. Ирма просяла и осторожно погладила его по голове. Птах жмурнулся, прикрыл глаза и замер – только перья на загривке чуть приподнялись от удовольствия.

– Вы не смотрите, что облезлый, – продолжала Сирения. – Это временно, линька. Зато как поёт! И танцует! И помёт, я уже говорила, счастливый. Ценная птица.

Ирма уже всю тискала птаха, а тот блаженно шурился и даже не думал улетать.

– Крогг, – мягко сказала она мужу, – посмотри на него. Он же ручной. И редкий. Мы не можем просто так пройти мимо.

Крогг посмотрел на жену, на Сирению, на общипыша, который неожиданно, наевшись, выдал короткую, но удивительно мелодичную трель. Звук разлился в воздухе, чистый и неожиданный.

– Ладно, – вздохнул он. – По рукам. Довезём до Та-Мекар. Там нейтральная станция, разберёшься дальше.

Сирения перевела дух. Плечи сами собой опустились – она и не заметила, как их свело напряжением.

– Спасибо.

– Только, – Крогг наклонился ближе, – если птица нагадит в корабле – вычищать будешь сам. Лично.

– Договорились.

Крогг кивнул в сторону механика:

– Тикки. Говорит, что выдвигаемся через час.

Ирма уже тащила птаха к кораблю, приговаривая: «Пойдём, милый, я тебе местечко устрою». Тот на удивление покорно сидел у неё на руках, только иногда поводил головой и косился на Сирению – мол, видала? Я теперь при деле.

Сирения посмотрела на небо. Оно начинало темнеть, наливалось глубоким синим, и первые звёзды уже проклёвывались в вышине. Скоро она покинет эту планету. Ту, где она изменилась.

Она зашла в каюту, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной – дала себе секунду просто постоять. Тишина после безумного дня давила на уши. А потом взгляд упёрся в зеркало.

Старое, мутноватое, впаянное прямо в стену. Но зеркало.

Она стянула комбинезон и замерла.

Из зеркала на неё смотрело нечто. Тело покрывала плотная, потрескавшаяся корка – местами светлее, местами темнее, кое-где с сиреневыми прожилками, пульсирующими в такт сердцу. Она провела рукой по животу – пальцы ощутили шершавое, тёплое, будто кору старого дерева. Голову венчали редкие пучки волос – скорее плесень, чем причёска.

– Лысое бревно, – выдохнула она, разглядывая отражение. – Зато глаза цвета лаванды. И вообще, я вроде как оборотень теперь. Ничего, оборот осилю. Как-нибудь. Потом. Когда пойму как.

Оглядела каюту: узкая койка, маленький столик, встроенный шкафчик. Скинула сумку с плеча, журнал и книгу сложила на столик, остальное пока оставила в сумке.

Бутылка заслуживала внимания. Вода, которую она набрала в реке и бросила туда камень, теперь была прозрачной и чистой. Сирения поднесла бутылку к свету, покрутила – ни следа мути, ни осадка. Камень исчез – то ли растворился, то ли выполнил свою работу и испарился. Она всё же вылила старую воду, тщательно промыла бутылку и поставила сушиться.

Теперь можно и в душ.

Она приняла душ, постояв под тёплыми струями блаженно долго – позволила себе эту роскошь. Вода стекала по корке, не впитываясь, собиралась в капли и срывалась вниз. Странное ощущение – будто тело стало непромокаемым. Вода не смыла корку, но хотя бы сняла усталость.

В шкафчике нашёлся старый чёрный комбинезон – мешковатый, но чистый. Сирения натянула его, подпоясалась обрывком шнура, чтобы не сваливался. В целом терпимо. Даже удобно.

Она вышла из каюты и через пару шагов оказалась в маленькой столовой. Здесь было тесно, но уютно. Пахло едой, машинным маслом и ещё чем-то домашним, что Сирения не могла определить. Крогг сидел во главе стола, перебирая какие-то бумаги. Ирма устроилась рядом с птахом – тот блаженно жмурился у неё на коленях, сытый и довольный. Зила стояла у иллюминатора, скрестив руки, и глядела в звёздную пустоту. Усач Бим возился у плиты, помешивая что-то в котелке, а Тикки, механик, сидел в углу и стрекотал над какой-то деталью – всеми конечностями сразу.

– О, парень очухался! – Бим обернулся, приветливо махнул поварёшкой. – Садись, перекусишь.

– Я же недавно ел, – поправилась Сирения, но ноги уже сами несли её к столу, а нос предательски дёрнулся, втягивая запах. Села, приняла миску с дымящимся варевом. Пар щекотнул лицо, и в животе снова заурчало – громко, так что Бим усмехнулся в усы.

– Ну рассказывай, – Крогг отложил бумаги. – Как ты на этой дыре оказался? И где твоя команда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.